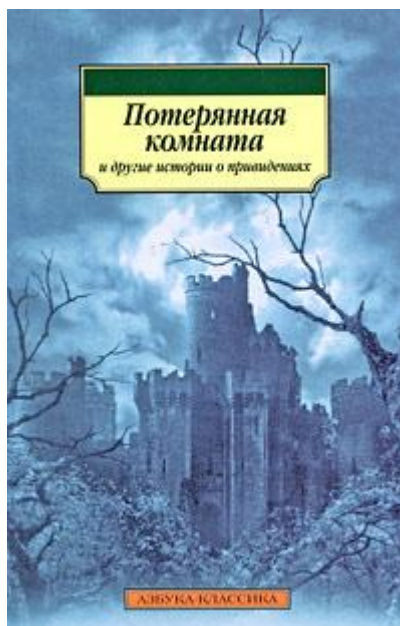

Амелия Эдвардс

История с привидениями, рассказанная моим братом

Амелия Б. Эдвардс

ИСТОРИЯ С ПРИВИДЕНИЯМИ, РАССКАЗАННАЯ МОИМ БРАТОМ

Эту историю с привидениями рассказал мне мой брат. Случилась она около 30 лет назад, когда он, взяв с собой альбом для рисунков, путешествовал по Верхним Альпам в поисках сюжетов для иллюстрированной книги о Швейцарии. Добравшись до Оберланда через Брюниг, брат в окрестностях Мейрингена заполнил альбом тем, что привык называть «фрагментами» пейзажей; затем через Большой Шейдек он отправился в Гриндельвальд, куда прибыл сумеречным сентябрьским вечером примерно час спустя после захода солнца. В тот день проходила ярмарка, и городок был переполнен людьми. Гостиница получше была забита до отказа (тридцать лет назад в Гриндельвальде имелось всего две гостиницы), и брат направился в другую, у крытого моста, рядом с церковью; здесь он с трудом получил пледы и матрас в комнате, уже занятой тремя другими путешественниками.

Гостиница «Адлер» была весьма непритязательной – наполовину ферма, наполовину постоянный двор; по фасадам тут и там просторные галереи, внутри огромный общий зал, похожий на сарай. В дальней части зала стояли длинные кухонные плиты, напоминавшие металлические прилавки; на них дымились кастрюли, внизу пылал огонь. В другом конце курили, прихлебывали и разговаривали постояльцы, человек тридцать-сорок, в основном альпинисты, кучера и проводники. Брат занял место среди них, и ему, как и другим, подали миску с супом, блюдо с говядиной, бутылку деревенского вина и маисовый хлеб. К нему подошел огромный сенбернар и ткнулся носом в руку. Мало-помалу брат вступил в разговор с двумя оказавшимися рядом молодыми итальянцами, загорелыми и кареглазыми. Они были из Флоренции. Звали их Стефано и Баттисто. Уже не первый месяц они путешествовали по торговым делам, продавали камеи, мозаики, слепки, прочие красивые безделушки из Италии и теперь держали путь в Интерлакен и Женеву. Устав от холодного севера, они, как дети, страстно мечтали о том дне, когда снова увидят голубые холмы и серовато-зеленые оливы, вернуться в свою лавку на Понте-Веккьо и в дом на берегу Арно.

Отправляясь на ночлег, брат с облегчением увидел, что эти двое и есть его соседи по комнате. Третий постоялец был уже на месте и крепко спал, отвернувшись к стене. Они едва

на него взглянули; все устали и думали лишь о том, чтобы подняться засветло и, как договорились, вместе пойти через Венгернальп до Лаутербруннена. Итак, мой брат и юные итальянцы наспех пожелали друг другу спокойной ночи и вскоре, по примеру незнакомца, отбыли в страну сновидений.

Брат спал так крепко, что, разбуженный на рассвете веселым шумом голосов, несколько минут сидел, сонно кутаясь в плед и не понимая, где находится.

– Добрый день, синьор, – воскликнул Баттисто. – У нас появился попугчик.

– Кристьян Бауманн, родом из Кандерштега, мастер по музыкальным шкатулкам, рост пять футов и одиннадцать дюймов в башмаках, – к вашим услугам, – представился молодой человек, которого накануне вечером застали спящим.

Это был юноша самой привлекательной наружности. Подвижный и сильный, великолепно сложенный, с вьющимися каштановыми волосами и прямым взглядом ясных глаз, – стоило ему произнести слово, как в них начинали плясать огоньки.

– Доброе утро, – сказал мой брат. – Вчера вечером, когда мы пришли, вы уже спали.

– Спал! Надо думать: я целый день провел на ярмарке, а пришел из Мейрингена лишь накануне вечером. Отличная ярмарка, скажу я вам!

– И правда отличная, – подхватил Баттисто. – Мы продали вчера камей и мозаик почти на пятьдесят франков.

– Так вы продаете камей и мозаики! Покажите мне ваши камей, а я похвалюсь своими музыкальными шкатулками. Есть очень красивые, с цветными видами Женевы и Шильона на крышках, они играют две, четыре, шесть и даже восемь мелодий. Ба! Да я устрою для вас настоящий концерт!

С этими словами он расстегнул ремень сумки, выложил шкатулки на стол и – к восторгу итальянцев – завел их одну за другой.

– Я тоже приложил к ним руку, – похвастался Кристьян. – Правда, чудо что за музыка? Бывает, заведу перед сном шкатулку, да и засну под ее звуки. И тогда меня наверняка ждут приятные сновидения! Но давайте сюда ваши камей. Может, я куплю одну для Марии, если сойдемся в цене. Мария – моя невеста, на следующей неделе у нас свадьба.

– На следующей неделе! – воскликнул Стефано. – Так это же совсем скоро. У Баттисто тоже есть невеста, в Импрунете, но они еще не скоро пойдут под венец.

Баттисто зарделся, как девица.

– Помолчи, брат! – сказал он. – Показывай давай камей и прикуси язык!

Но от Кристьяна было не так-то легко отделаться.

– Как ее зовут? – спросил он. – Эй! Баттисто, ты должен назвать ее имя! Она хорошенькая? Брюнетка или блондинка? Вы часто видите, когда ты дома? Она тебя очень любит? Так же сильно, как Мария любит меня?

– Ну откуда мне знать? – осмотрительно отозвался Баттисто. – Она любит меня, а я люблю ее – вот и все.

– А как ее зовут?

– Маргерита.

– Чудесное имя! Бьюсь об заклад, она так же прекрасна, как и ее имя. Ты сказал, она блондинка?

– Ничего такого я не говорил. – Баттисто открыл зеленый ящик, обитый железом, и стал вынимать лоток за лотком с прелестными вещицами. – Вот! Все эти картинки, составленные из крошечных кусочков, – римские мозаики, а эти цветы на черном фоне – флорентийские. Основа из темного твердого камня, а цветы – из пластинок яшмы, оникса, сердолика и прочих цветных камней. Эти незабудки, например, из бирюзы, а мак вырезан из кусочка коралла.

– Римские мне нравятся больше, – сказал Кристьян. – А что это за здание – с арками вокруг?

– Это Колизей, а рядом – собор Святого Петра. Но мы, флорентинцы, не очень-то жалуем римские мозаики. Они и вполтину не так красивы и ценны, как наши. У римлян

мозаики наборные.

– Наборные или нет, мне больше всего нравятся вот те небольшие пейзажи, – сказал Кристьян. – Вот этот особенно хорош, с остроконечной пирамидой и деревом, а позади горы. Как бы я хотел подарить такой Марии!

– Тебе, так и быть, отдам за восемь франков, – ответил Баттисто, – вчера мы две такие продали по десять. На них изображена гробница Кая Цестия в окрестностях Рима¹.

– Гробница! – отшатнулся Кристьян. – *Diabole!*² Такой свадебный подарок не к добру.

– А ты ей не говори, она и не догадается, – посоветовал Стефано.

Кристьян покачал головой:

– Это почитай что обман.

– Да нет же, – вмешался мой брат, – хозяин этой могилы умер восемнадцать или девятнадцать веков назад. Все уже забыли, что он когда-то был здесь похоронен.

– Восемнадцать или девятнадцать веков назад? Так он был язычник?

– Конечно, если ты имеешь в виду, что он жил до рождения Христа.

Лицо Кристьяна тут же прояснилось.

– Ну, тогда все в порядке, – сказал он, вытащил холщовый кошелек и сразу же расплатился. – Могила язычника – это и не могила вовсе. В Интерлакене я из этой мозаики сделаю брошку для Марии. Скажи, Баттисто, а что ты привезешь в Италию своей Маргерите?

Баттисто рассмеялся, позвякивая своими восемью франками.

– Это как пойдут дела. Если успеем подзаработать до Рождества, я, может быть, привезу ей швейцарского муслина из Берна, но вот уже семь месяцев, как мы уехали, а выручили пока что едва ли сотню франков сверх расходов.

Тут разговор перешел на обычные темы, флорентинцы спрятали свои сокровища, Кристьян снова затянул ремнем поклажу, и все четверо вышли из гостиницы, чтобы позавтракать на свежем воздухе.

Стояло изумительное утро, безоблачное и солнечное, в виноградных лозах над крыльцом шелестел прохладный ветерок, и по столу бегали тени от листьев. Со всех сторон виднелись гигантские горы, к пастбищам подступали голубоватые ледники, по их краям темнели сосновые леса. Слева Веттергорн, справа Айгер, прямо перед ними – ослепительный и вечный, как обелиск из покрытого инеем серебра, Шрекгорн, или Пик Ужаса. После завтрака путешественники попрощались с хозяйкой гостиницы и, взяв с собой горные посохи, отправились к Венгернальпу. Наполовину залитая солнцем, наполовину скрытая в тени, перед ними лежала тихая долина, кое-где виднелись фермы, поперек стремился пенистый поток, вырвавшийся из ледникового плена. Трое юношей бодро шагали впереди, их голоса мелодично звенели, оживленный разговор то и дело прерывался взрывами смеха. Мой брат почему-то загрустил. Он отстал от попугчиков, бросил в воду красный цветочек и проводил его взглядом, сравнивая с человеческой жизнью, уносимой потоком времени. Почему так безмятежны остальные и отчего так тяжело на сердце у него самого, брат не знал.

Братом все больше овладевала меланхолия, попугчики же, наоборот, хохотали все заливистей. Молодые и полные надежд, они мечтали о счастливом будущем, фантазировали и строили воздушные замки. Баттисто, разговорившись, признался, что главная мечта его жизни – жениться на Маргерите и стать мастером-мозаичистом. Стефано, чье сердце было свободно, предпочитал путешествовать. Кристьян, который выглядел самым преуспевающим, заявил, что для него важнее всего арендовать ферму в своей родной

¹ ...гробница Кая Цестия в окрестностях Рима. – Имеется в виду памятник в виде египетской пирамиды, который был воздвигнут родственниками римского претора (должностного лица судебного ведомства) Кая Цестия (ум. ок. 43 до н. э.). Находится на римском протестантском кладбище по соседству с могилой Джона Китса.

² Черт побери! (*фр.*).

Кандерской долине и вести там патриархальную жизнь, как его отцы и деды. Что до торговли музыкальными шкатулками, то, говорил он, нужно переселиться в Женеву, чтобы это дело стало доходным, а он не променял бы сосновый лес и заснеженные вершины на все города Европы. Мария тоже родилась среди гор, и ей невыносима мысль, что пришлось бы всю жизнь прожить в Женеве, навеки распрощавшись с долиной реки Кандер. Пока они болтали, настал полдень, и путешественники немного передохнули в тени гигантских елей, украшенных гирляндами серо-зеленого мха.

Они подкрепили свои силы под серебристые звуки одной из музыкальных шкатулок Кристьяна; вскоре где-то вдаль, за выступом Юнгфрау, послышалось грозное эхо лавины.

Затем они снова двинулись вперед под палящими лучами солнца к вершинам, туда, где на голых склонах не встретишь уже альпийскую розу и даже коричневый лишайник все реже пробивается среди камней. Монотонность пейзажа нарушал только лес из мертвых – одни остовы – сосен, да высоко на вершине перевала – между путниками и небом – одиноко ютился небольшой постоянный двор. Здесь они снова передохнули и выпили за здоровье Кристьяна и его невесты кувшин деревенского вина. Кристьяном овладела неудержимая радость, и он без конца пожимал всем руки.

– Завтра вечером, – сказал он, – я вновь обниму мою Марию! В последний раз мы виделись два года назад, когда я был еще подмастерьем. Теперь я мастер, у меня жалованье тридцать франков в неделю, и я вполне могу жениться.

– Тридцать франков в неделю! – воскликнул Баттисто. – *Согро ди Вассо!*³ Везет же людям.

Кристьян просиял.

– Да, – сказал он, – мы будем очень счастливы и скоро – кто знает? – осядем до конца дней в Кандерской долине, и вырастим детей, чтобы продолжили наше дело. Ах! Знай Мария, что завтра вечером я буду дома, то-то бы она радовалась!

– Как так, Кристьян? – спросил мой брат. – Разве она не знает?

– Даже не догадывается. Она ждет меня, но только послезавтра – раньше мне и не поспеть, если я пойду кругом через Унтерзеен и Фрютиген. Но я хочу переночевать сегодня в Лаутербруннене, а завтра утром отправиться через ледник Члингель в Кандерштег. Если я встану до рассвета, то к заходу солнца уже буду дома.

Тут тропа резко повернула и стала спускаться вниз, где открывалась потрясающая панорама уходящих вдаль долин.

Кристьян с громким криком подбросил вверх шапку.

– Смотрите! – Он раскинул руки, будто пытаясь обнять всю эту бесконечно дорогую его сердцу землю. – О! Смотрите! Это холмы и леса Интерлакена, и здесь, под обрывом, у нас под ногами, лежит Лаутербруннен! Хвала Господу, который создал нашу родину такой прекрасной!

Итальянцы обменялись улыбками, думая про себя, что их долина Арно намного красивее, но мой брат всем сердцем откликнулся на благодарственную молитву юноши, который воспринимал красоту как наследие, принадлежащее ему по праву рождения. Теперь их путь лежал через огромное плато, с обширными полями и лугами, где были разбросаны богатые фермы со старыми бревенчатыми постройками: огромные свесы остроконечных крыш, резные балконы, увешанные золотыми связками кукурузы. У тропинки голубела черника, тут и там росли горечавка и бессмертник. Вниз по крутизне тропинка пошла зигзагом, и меньше чем за полчаса они спустились на дно долины. Сосны на самой вершине еще горели в вечерних лучах, а путешественники уже сели обедать все вместе в гостиную небольшого постоянного двора с видом на Юнгфрау. Вечером брат сел за письма, а трое молодых людей тем временем прогуливались по деревне. В девять вечера они пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам.

³ Клянусь Бахусом! (*ит.*).

Несмотря на усталость, брату не спалось. Им владела все та же необъяснимая меланхолия; наконец, он погрузился в беспокойную дрему, но то и дело все время просыпался от каких-то непонятных кошмаров, приступов безотчетного ужаса. Под утро он крепко заснул и пробудился только ближе к полудню. Его ждало печальное известие, что Кристьян уже давно ушел: поднялся до рассвета, позавтракал при свете свечи и двинулся в путь в предрассветной мгле – по словам хозяина, веселый, как уличный скрипач на ярмарке.

Стефано и Баттисто остались и ждали, чтобы по просьбе Кристьяна передать моему брату прощальную записку и приглашение на свадьбу. Он пригласил также и их, и они пообещали быть; итак, мой брат договорился встретиться с ними в Интерлакене в следующий вторник, откуда они могли не спеша отправиться в Кандерштег, с тем чтобы прибыть на место в четверг утром и присутствовать на бракосочетании. Брат купил несколько небольших флорентийских камей, пожелал молодым людям удачи и долго смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду.

Предоставленный самому себе, он вышел с альбомом и целый день провел в верхней долине; к заходу солнца пообедал в одиночестве у себя в комнате при свете единственной лампы. Покончив с едой, он придвинулся ближе к огню, вынул карманное издание Гёте «Об искусстве»⁴, предвкушая несколько часов приятного чтения. (Ах, как хорошо мне знакомы и эта книга в выпуклой обложке, и рассказ брата об этом одиноком вечере!) Тем временем на землю опустилась ночь, холодная и сырая. Влажные поленья потрескивали в очаге, ветер с воем обрушивался на долину, и при каждом внезапном порыве в окно яростно барабанил дождь. Вскоре брат понял, что не может читать. Ему никак не удавалось сосредоточиться. Он без конца перечитывал одну и ту же фразу, не в силах понять ее смысл, а длинный хоровод мыслей уводил его в далекое смутное прошлое.

Так тянулся час за часом, и в одиннадцать вечера он услышал, как внизу захлопнулись двери и хозяева и слуги отправились спать. Брат решил не поддаваться больше мечтательному забытию, подбросил свежих поленьев в очаг, поправил фитиль в лампе и сделал несколько кругов по комнате. Потом открыл окно; дождь бил ему в лицо, а ветер трепал волосы, как листья акации в саду под окном. Прошло несколько минут, и когда наконец брат закрыл окно, его лицо, волосы и рубашка на груди были совершенно мокрыми. Он развязал было рюкзак и вынул сухую рубашку, чтобы переодеться, но тут же уронил ее, вскочил на ноги и, затаив дыхание, стал с недоумением прислушиваться.

Порывистый ветер, то плакавший где-то совсем рядом, то затихавший вдали, принес знакомую мелодию, нежную и чистую, как сладостный напев с острова Просперо⁵; она определенно доносилась из музыкальной шкатулки: днем раньше этот мотив сопровождал их обед под елями Венгернальпа!

Может, это Кристьян возвещал о своем возвращении? Если так, то где он? Под окном? Снаружи в коридоре? Укрылся на крыльце, ожидая, пока его впустят? Брат снова открыл окно и позвал его:

– Кристьян! Это ты?

Ответом было полное молчание. Со стоном унесся вдаль последний порыв ветра и дождя, затрепетали, как живые, сосны.

⁴ ...карманное издание Гёте «Об искусстве»... – Иоганну Вольфгангу Гёте (1749–1832) принадлежит целый ряд очерков и статей, посвященных проблемам эстетики.

⁵ ...как сладостный напев с острова Просперо... – В последней пьесе Шекспира «Буря» (1612) Просперо – свергнутый миланский герцог, ставший в изгнании на острове могущественным волшебником. Ср.:

Вдруг музыка скользнула по волнам,
И ярость их, и скорбь мою смягчая
Напевом милым.

(Пер. М. Кузмина)

– Кристьен! – повторил брат и услышал свой голос, отозвавшийся странным эхом. – Ответь! Это ты? – И вновь молчание.

Он высунулся в окно – в темноте не разобрать было даже очертаний крыльца внизу. Брат готов был поверить, что ослышался, но мелодия зазвучала снова – на этот раз как будто прямо в комнате.

Когда он обернулся, ожидая увидеть Кристьена, звуки резко оборвались и страшный холод объял все его существо – это была не обычная нервная дрожь, не озноб после дождя и ветра, а смертельный ледяной холод в каждом кровеносном сосуде, паралич, сковавший каждый нерв, ужасающее сознание того, что через несколько секунд легкие перестанут дышать, а сердце биться! Не в силах ни говорить, ни двигаться, он закрыл глаза и решил, что умирает.

Странный обморок длился всего несколько секунд. Постепенно живительное тепло вернулось, вернулись и силы, чтобы закрыть окно и добраться до кресла. Только теперь он обнаружил, что перед рубашки у него заledenел, а капли дождя в волосах превратились в твердые сосульки.

Брат посмотрел на часы. Остановившиеся стрелки показывали без двадцати двенадцать. Взял с каминной полки термометр: ртутный столбик стоял на шестидесяти восьми⁶. Силы небесные! Как такое возможно при температуре шестьдесят восемь градусов и при жарком огне, пылающем в камине?

Он плеснул в бокал коньяка и залпом выпил. Чтобы лечь в постель, не могло быть и речи. Он боялся уснуть – едва осмеливался даже думать о чем-то. Единственное, что ему оставалось, – переодеться, подбросить в камин поленьев, закутаться в шерстяное одеяло и сидеть всю ночь в большом мягком кресле у огня.

Однако сидел он недолго – видимо, тепло и нервная усталость склонили его ко сну. Утром брат проснулся в постели, но не мог вспомнить, как и когда до нее добрался.

Снова стоял чудный день. Ничто не напоминало о дожде и ветре, вдали сияла в безоблачном небе вершина Сильвергорна. Глядя на яркий свет, брат готов был усомниться в событиях прошлой ночи, и, если бы не свидетельство наручных часов, которые все еще показывали без двадцати двенадцать, подумал бы, что все это ему приснилось. Едва ли не все свои страхи он уже приписывал излишне возбужденному и утомленному сознанию. И однако же ему все еще было не по себе, и, не испытывая ни малейшего желания снова ночевать в Лаутербруннене, он решил этим же утром отправиться в Интерлакен. Пока он неспешно завтракал, раздумывая, идти ему семь миль по дороге пешком или лучше доехать, к двери гостиницы быстро подкатил шарабан и из него выскочил молодой человек.

– Это ты, Баттисто? – удивился брат, когда тот вошел в комнату. – Вот уж не ожидал! Где Стефано?

– Я оставил его в Интерлакене, синьор, – ответил итальянец.

В его лице и голосе было что-то странное,стораживающее.

– В чем дело? – едва выговорил брат. – Он не болен? С ним ничего не случилось?

Баттисто покачал головой, украдкой осмотрел коридор и прикрыл дверь.

– Со Стефано все в порядке, синьор, но... но произошло нечто... нечто странное! Синьор, вы верите в привидения?

– В привидения, Баттисто?

– Да, синьор, потому что, если дух какого-нибудь человека, живого или мертвого, может являться людям, ко мне вчера ночью, без двадцати двенадцать, приходил дух Кристьена.

– Без двадцати двенадцать? – переспросил брат.

– Я лежал в постели, синьор, и Стефано спал в той же комнате. Поднимался я в спальню ничуть не замерзший; когда засыпал, думал о чем-то приятном. И укрыт был тепло,

⁶ 68° по Фаренгейту соответствует 20° по Цельсию.

одеялом и еще пледом в придачу, но проснулся от страшного холода; меня сковало так, что я едва дышал. Силюсь позвать Стефано, но не могу. Все, думаю, настал мой смертный час. И тут слышу музыку под окном: точь-в-точь шкатулка Кристьяна, как она играла, когда мы сели перекусить в лесу, только на этот раз звучала она как-то странно, грустно и очень торжественно – страх да и только! Затем, синьор, звуки стали стихать, словно их уносило ветром. Когда музыка смолкла, моя застывшая кровь побежала быстрее и я кликнул Стефано. Выслушал он меня и говорит, дескать, мне все это приснилось. Прошу его зажечь свет, чтобы посмотреть на часы. Мои часы остановились и показывали без двадцати двенадцать, но, что самое удивительное, на часах Стефано было то же самое время. Так скажите, синьор, верите вы, что такое могло быть на самом деле, или, как Стефано, считаете, что это был сон?

– А что ты сам об этом думаешь, Баттисто?

– Я думаю, синьор, что с беднягой Кристьяном на леднике случилось какое-то несчастье и что вчера ночью ко мне приходил его дух.

– Баттисто, ему нужно помочь, если он жив, или найти его тело, если он мертв; мне ведь тоже сдается – что-то здесь неладно.

И тут мой брат вкратце рассказал Баттисто, что с ним самим приключилось этой ночью. Он отправил посыльных к трем лучшим проводникам в Лаутербруннене и велел собрать веревки, топоры для льда, альпенштоки и прочее снаряжение, необходимое для экспедиции на ледник. Брат торопился изо всех сил, но двинуться в путь сумели только к полудню.

Прибыв через полчаса в местечко Штехельберг, они оставили шарабан у какого-то шале и поднялись вверх по крутой тропе, откуда ледник Брайтгорн, возвышавшийся слева зубчатой стеной из льда, был виден как на ладони. Их путь лежал через пастбища и сосновый лес. Они добрались до небольшого поселка из нескольких шале под названием Штейнберг, где наполнили бутылки водой, приготовили веревки и собрались выйти на ледник Члингель. Скоро они уже были на льду.

Здесь проводники попросили всех остановиться и затеяли совещание. Один из них предлагал отправиться через нижний ледник налево и добраться до верхнего ледника по скалам, которые окаймляли его с юга. Двое других предпочитали северную, правую сторону, и именно этот путь в конце концов выбрал мой брат. Солнце теперь палило с нещадной, почти тропической силой, и передвигаться по льду, испещренному длинными предательскими трещинами, гладкому, как стекло, и голубому, как летнее небо, было и трудно, и опасно. Молча, осторожно двигались они в связке, через интервалы примерно в три ярда: два проводника впереди, третий замыкал группу. Свернув вправо, они оказались у подножия крутой скалы около сорока футов высотой; по ней им предстояло взобраться, чтобы достичь верхнего ледника. Одолеть этот подъем брат и Баттисто могли только при помощи веревки, укрепленной сверху и снизу. Двое проводников, используя выбоины в камне, взобрались на скалу, один остался внизу. Верхние сбросили конец веревки, и мой брат приготовился идти первым. Он уже поставил ногу в выбоину, но замер на месте, услышав сдавленный крик Баттисто.

– Santa Maria i Signor!⁷ Посмотрите!

Брат обернулся. В какой-нибудь сотне ярдов, на самом свету, стоял (брат клялся в этом и божился) Кристьян Бауманн! Какой-то миг – и он пропал. Не рассеялся, не упал, не ушел, а просто исчез, как будто его и не было. Бледный как смерть, Баттисто рухнул на колени и закрыл лицо руками. Брат онемел от ужаса: он понимал, что спасательная экспедиция подошла к концу, но концу совсем не радостному. Что до проводников, они в недоумении переглядывались.

– Неужели вы не видели? – в один голос спросили мой брат и Баттисто.

⁷ Господь и святая Мария! (ит.).

Нет, они ничего не видели, а тот, который остался внизу, сказал:

– А что тут видеть, кроме льда и солнца?

На это брат ответил только, что не сделает ни шагу, пока проводники не осмотрят тщательно вот ту расселину (увидев на ее краю Кристьяна, брат не сводил с нее глаз). Двое проводников спустились со скалы, подобрали веревки и с недоверием последовали за моим братом. На узком конце расселины он остановился и вогнал в лед альпеншток. Необычно длинная, похожая в начале на обычную трещину, она постепенно расширялась, словно маня в неведомую синюю бездну, обвешанную по краям длинными, похожими на алмазные сталактиты, сосульками. Они двинулись вдоль кромки, и вскоре младший из проводников вскрикнул:

– Есть! Вижу! Что-то темное, в глубине, застряло в зубах!

Все видели: в расселине, скрытый ледяными выступами, темнел какой-то непонятный предмет. Мой брат предложил сотню франков тому, кто спустится и поднимет тело наверх. Проводники колебались.

– Мы ведь не знаем, что это, – сказал один.

– Может, просто мертвая серна, – предположил другой.

От их безразличия брат вскипел гневом:

– Никакая не серна. Это тело Кристьяна Бауманна, родом из Кандерштега. И если все вы такие трусы, черт с вами, я спущусь сам!

Младший проводник сбросил шапку и куртку, затянул вокруг пояса веревку и взял в руку топорик.

– Я пойду, месье, – сказал он коротко, и товарищи стали спускать его вниз.

Мой брат отвернулся. Его охватила тревога, к горлу подступил комок. В ледовой глубине глухо застучал топорик. Проводник потребовал еще веревку, потом все молча расступились, и брат обернулся: у края расселины стоял, красный и дрожащий, младший проводник, а у его ног лежало тело Кристьяна.

Бедный Кристьян! Из веревок и альпенштоков соорудили подобие носилок и с большими трудностями понесли его обратно в Штейнберг. Оттуда с помощью местных жителей они добрались до Штехельберга, где погрузили тело в экипаж, и так доставили в Лаутербруннен. На следующий день брат взял на себя печальную обязанность заранее явиться в Кандерштег и предупредить близких Кристьяна. С тех пор минуло три десятка лет, но и по сей день моему брату больно рассказывать об отчаянии Марии и о том горе, которое он, сам того не желая, принес в эту мирную долину. В тот же год несчастная Мария умерла, и, в последний раз проезжая через Кандерскую долину по пути в Гемми, мой брат видел ее могилу на деревенском кладбище, рядом с могилой Кристьяна Бауманна.

Вот такую историю с привидениями слышал я от своего брата.